

УДК 343.263

Проблемы избрания и реализации домашнего ареста в уголовном законодательстве Российской Федерации

Рыбинцев Артем Михайлович, студент, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, artemstyle34@mail.ru

Шевчук Ирина Викторовна, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, vkomaof@mail.ru

В статье дана характеристика проблем, касающихся функционирования института домашнего ареста с позиций избрания и реализации данной меры пресечения в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена растущим значением этого направления и необходимостью обеспечения баланса между результативностью уголовного преследования и соблюдением прав и свобод граждан. Неразрешенность ряда проблемных аспектов препятствует полноценной реализации рассматриваемой меры как прогрессивной, соответствующей принципам гуманизации судопроизводства.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, правовой институт, уголовное законодательство, уголовное право.

Как зафиксировано в Конституции Российской Федерации (ст. 22), каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность [1]. В современном российском уголовно-процессуальном праве домашний арест (ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2] занимает особое место среди иных мер пресечения. Данный институт, призванный гуманизировать систему уголовного судопроизводства, сталкивается с рядом трудностей как на этапе его избрания, так и в процессе реализации. Настоящая статья посвящена анализу ключевых проблем, связанных с его применением в контексте законодательства Российской Федерации.

Как отмечается в научных публикациях [5, с. 54; 10, с. 1728], проблематика носит комплексный характер, при этом охватывается ряд взаимосвязанных аспектов:

1) правовой — отсутствие четких законодательных критериев для избрания домашнего ареста, недостаточная регламентация процедур реализации;

2) технологический — ограниченность возможностей существующих средств электронного мониторинга для обеспечения полноценного контроля за соблюдением условий домашнего ареста;

3) социальный — недостаточный учет индивидуальных социально-бытовых условий, отсутствие механизмов поддержки ресоциализации лиц, длительное время находившихся под домашним арестом;

4) организационный — имеются в виду сложности в оперативном реагировании на изменение обстоятельств, требующих корректировки условий.

Целесообразно обратиться к статистическим данным о применении меры пресечения в виде домашнего ареста в России.

В 2020 г. — 1290 случаев, 2021 г. — 1379, 2022 г. — 1494, а в 2023 г. — 1579 [7].

Итак, отмечается тенденция медленного роста случаев избрания рассматриваемой меры пресечения. Также уместно обратиться к статистической сводке относительно СЭМПЛ (речь идет о системе электронного мониторинга подконтрольных лиц).

Так, в 2023 г. под их контролем в РФ пребывало 22,5 тыс. осужденных на ограничение свободы и 32,2 тыс. лиц, для которых судебными органами был избран домашний арест либо запрет на совершение определенных действий. В течение года посредством СЭМПЛ удалось выявить свыше 7 тыс. нарушений, сопряженных с порядком, а также условиями отбывания наказания и исполнения

мер пресечения [3].

Далее необходимо перейти к более содержательному рассмотрению конкретных сложностей.

Так, актуализируется проблема выбора домашнего ареста лицами, осуществляющими предварительное расследование. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предоставляет исчерпывающего перечня обстоятельств, при которых рассматриваемая мера пресечения должна применяться в приоритетном порядке. Это приводит к тому, что судьи зачастую руководствуются субъективными факторами при принятии решения касательно назначения. Суды нередко отдают предпочтение более строгим вариантам, даже в случаях, когда домашний арест мог бы быть достаточной и результативной альтернативой.

Обозначенная тенденция противоречит принципу соразмерности ограничения прав и свобод личности в уголовном процессе [9, с. 719]. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в УПК РФ, закрепив четкий перечень оснований и критериев для применения домашнего ареста, а также обеспечить обязательность мотивации при выборе данной меры пресечения.

Как отмечают Л. М. Шехматов и С. Г. Семков: «Суть домашнего ареста как меры, альтернативной содержанию под стражей, целесообразно применять в случаях, когда имеются условия для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, но полная изоляция задержанного невозможна» [10, с. 1729]. Однако реализация в анализируемой области сопряжена с рядом технических трудностей. Использование электронных браслетов и других средств контроля не всегда обеспечивает надежный мониторинг местонахождения подозреваемого или обвиняемого. Возникают проблемы с бесперебойной работой оборудования, особенно в отдаленных регионах страны с нестабильным покрытием сотовой связи. Уместно согласиться с предложением указанных авторов: обеспечить развитие инфраструктуры связи, особенно в удаленных регионах, и улучшить качество оборудования, включая тестирование в экстремальных условиях.

Существующие средства не позволяют в полной мере контролировать соблюдение всех наложенных судебным органом ограничений. Из-за этого имеют место потенциальные лазейки для нарушения режима, что отражается на снижении эффективности меры. Авторы рекомендуют разработать дополнительные технологические средства контроля, а также усилить санкции за нарушение режима [5, с. 58; 9, с. 719].

Далее целесообразно отметить, что недостаточное внимание

уделяется социально-бытовым условиям реализации домашнего ареста. В законодательстве не учитывается в полном объеме разнообразие жилищных условий граждан РФ. В случаях, когда подозреваемый или обвиняемый проживает в коммунальной квартире или общежитии, возникают сложности с обеспечением надлежащего уровня изоляции и контроля.

Отдельную проблему представляет ситуация, когда лицо, находящееся под домашним арестом, проживает совместно с другими членами семьи. Ограничения, налагаемые на него, неизбежно затрагивают и повседневную жизнь, что влечет за собой рост общественной напряженности и конфликты внутри семьи. Предлагается разработать рекомендации для судов по минимизации последствий (например, временное расселение или частичная модификация ограничений).

Необходимо остановиться и на проблематике, касающейся правовой неопределенности в вопросах изменения условий домашнего ареста. В действующих нормативных правовых актах не предусмотрен четкий механизм оперативного изменения условий в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. К примеру, если лицу требуется срочная медицинская помощь, процедура получения разрешения на посещение соответствующего учреждения может занять недопустимо долгое время.

Аналогичные трудности возникают при необходимости изменения места отбывания домашнего ареста — например, в связи с форс-мажорными обстоятельствами или ремонтом жилого помещения. Отсутствие гибкости в рассматриваемом вопросе сказывается на нарушении прав подозреваемых и обвиняемых на достойные условия содержания.

По мнению Г. Г. Небрятенко и В. М. Харзиновой, «запрет на постоянное нахождение лица под домашним арестом в жилище в процессуальной литературе считают проблематичным, поскольку для человеческого существования необходимы определенные потребности» [5, с. 53]. В связи с этим недостаточное внимание уделяется проблематике ресоциализации лиц, длительное время находившихся под домашним арестом. Продолжительная изоляция от общества способна негативно отразиться на общественных навыках, психологическом состоянии человека. В отличие от лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, для анализируемой категории не предусмотрены программы психологической поддержки и социальной адаптации. Это сопряжено с риском того, что после отмены данной меры пресечения человек сталкивается с явными затруднениями при возвращении к нормальной жизни, восстановлении социальных связей, а также трудоустройстве. Мы согласны с Г. Г. Небрятенко и В. М. Харзиновой, высказывающими мнение о необходимости создания государственных или регио-

нальных адаптационных программ для лиц, находившихся под домашним арестом.

Следует также отметить, что существующая практика применения описываемого института характеризуется недостаточной дифференциацией налагаемых ограничений. Суды зачастую применяют стандартный набор запретов, не учитывая индивидуальные особенности дела и личности лица [2, с. 56].

Отметим, что проблематика, на которую указывают Е. А. Орлов, К. Т. Дюзбаева и З. Х. Урусов, затрагивает один из вопросов правоприменения в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как совершенно справедливо отмечает Е. А. Орлов, «законодатель изменил понятие домашнего ареста. Если раньше рассматриваемая мера пресечения подразумевала нахождение лица, к которому она применялась, в условиях «полной либо частичной изоляции от общества» в определенном жилом помещении, то после апрельских изменений домашний арест выражается просто в «изоляции от общества» без уточнения объема этой изоляции» [6, с. 18].

При этом К. Т. Дюзбаева пишет, что «практика применения домашнего ареста во всех периодах и этапах его существования и развития показывает неэффективность его использования. Проблемные вопросы начинают проявляться уже на начальном этапе избрания данной меры» [4, с. 365].

З. Х. Урусов констатирует: «Применение меры пресечения в виде домашнего ареста, ввиду отсутствия четко установленного законодательством порядка механизма его исполнения, требует серьезного теоретического переосмысления и совершенствования механизмов применения» [8, с. 234].

Таким образом, анализ проблем избрания и реализации домашнего ареста в уголовном законодательстве Российской Федерации позволяет выявить необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в данной области. Требуется разработка более четких критериев, улучшение технических средств контроля и учет социально-бытовых аспектов. Особое внимание рекомендуется уделить повышению гибкости механизма изменения условий этой меры, разработке программ психологической поддержки и ресоциализации для лиц, находящихся под домашним арестом, а также индивидуализации налагаемых ограничений.

Как представляется, разрешение обозначенных в статье проблем даст возможность повысить результативность функционирования анализируемого института, обеспечить баланс между интересами следствия и правами подозреваемых и обвиняемых, а также способствовать дальнейшей гуманизации уголовного судопроизводства в России.

Примечания

1. Российская Федерация. Конституция (1993). М., 2022. 116 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. 2001. N 249.
3. ФСИН улучшит электронные браслеты, чтобы чаще сажать под домашний арест вместо СИЗО. URL: <https://www.cnews.ru> (дата обращения: 14.10.2024).
4. Дюзбаева К. Т. Домашний арест: проблемы законодательного регулирования и практического применения // Вестник науки. 2024. Т. 4. N 6. С. 364–367.
5. Небрятенко Г. Г., Харзинова В. М. Актуальные проблемы наложения запретов и ограничений при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. N 4. С. 52–59.
6. Орлов А.Е. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Самарского юридического института. 2020. N 5. С. 17–20.
7. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 14.10.2024).
8. Урусов З. Х. Домашний арест: краткий обзор проблем правоприменения // Право и управление. 2024. N 9. С. 232–237.
9. Цыкулева А. К. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Флагман науки. 2023. N 10. С. 718–719.
10. Шехматов Л. М., Семков С. Г. К вопросу эффективности домашнего ареста // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов. М., 2024. С. 1726–1732.

English version

Problems of selection and implementation of house arrest in the criminal legislation of the Russian Federation

Rybintsev Artem Mikhaylovich, student, Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Shevchuk Irina Viktorovna, associate professor of the department of criminal law, criminal procedure and forensic science, Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of sciences (law), associate professor

The article analyzes the problems related to the application of house arrest as a preventive measure in the criminal procedure of the Russian Federation. Issues of its selection and enforcement, as well as law enforcement practices, are considered. The significance of house arrest in ensuring a balance between the effectiveness of criminal prosecution and the protection of citizens' rights and freedoms is highlighted. Particular attention is paid to problematic aspects that hinder the full implementation of this measure in accordance with the principles of humanization of judicial proceedings.

Keywords: house arrest, preventive measure, legal institution, criminal legislation, criminal law.